

Федуленкова Татьяна Николаевна
Владимирский государственный университет
г. Владимир, Российская Федерация
fedulenkova@list.ru

Имплицитность в диалоге культур: от преамбулы до функционально обусловленных типов выражения смысла. Рецензия на монографию: Карасик В. И. Языковая пластика общения. М. : Гнозис, 2021. 536 с.

Аннотация

В монографии В. И. Карасика «Языковая пластика общения» обсуждаются вопросы антропологической лингвистики, одним из наиболее активно развивающихся направлений которой является изучение межкультурной коммуникации. Актуальность книги заключается в том, что в ней рассматриваются животрепещущие проблемы формата общения, его канонов и интерпретативных векторов. В монографии представлен критический анализ исследовательских моделей языковой коммуникации. Инновационный характер монографии заключается в том, что в дополнение к предложенным исследовательским моделям языковой коммуникации автор противопоставляет четыре функционально обусловленных типа имплицитного выражения смысла в диалоге культур, а именно: консолидирующий, агональный, дидактический и поэтический, детально описывая сущность каждого из этих типов и аргументируя их роль в кросс-культурной коммуникативной практике. Инновационность рецензируемой монографии состоит и в том, что автор убедительно аргументирует обусловленность имплицитности в межкультурной коммуникации принятыми в каждой культуре нормами общения, которые определяются рядом факторов, и в качестве важнейших из них представляются: (а) доминирующая социальная дистанция, (б) тип распределения власти в малой группе, (в) степень эмоционального самоконтроля участников общения. Подчеркнём важность авторского вывода о том, что культуры с высокой степенью имплицитности в общении сориентированы на сокращённый код коммуникации, являющийся оптимальным для диалога в обиходной ситуации и прослеживаемым в художественном освоении мира.

Ключевые слова: антропологическая лингвистика, межкультурная коммуникация, форматы общения, интерпретативные векторы, типы имплицитности, нормы общения

© Федуленкова Т. Н. 2024

Для цитирования: Федуленкова Т. Н. Имплицитность в диалоге культур: от преамбулы до функционально обусловленных типов выражения смысла. Рецензия на монографию: Карасик В. И. Языковая пластика общения. М. : Гнозис, 2021. 536 с. // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 3. С. 225–230. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-225>

Tatiana N. Fedulenkova
Vladimir State University
Vladimir, Russian Federation
fedulenkova@list.ru

Implicitness in the dialogue of cultures: From preamble to functionally conditioned types to express meaning. Book review: Karasik, V. I. (2021). Linguistic plasticity of communication. Moscow : Gnozis Press. 536 p.

Abstract

Linguistic plasticity of communication is a welcome monograph by V. I. Karasik that discusses the issues of anthropological linguistics where cross-cultural communication studies are one of the most actively developing fields.

The author considers relevant issues of communication formats, its canonical patterns and interpretative vectors. He also performs a critical analysis of research models of language communication. The book offers innovative approach within which, in addition to the proposed research models of linguistic communication, V. I. Karasik opposes 4 functionally conditioned types of implicit expression of meaning in the dialogue of cultures: consolidating, agonal, didactic and poetic describing in detail the essence of each type and arguing for their role in cross-cultural communication practice. Another innovative solution is to argue that the implicitness in intercultural communication depends on communication standards accepted in each culture where they are determined by a number of factors with (a) dominant social distance, (b) the type of distribution of power in a small group, (c) the degree of emotional self-control participants in the communication being the most important among them. It is essential to emphasize the importance of V. I. Karasik's conclusion that cultures with a high degree of implicitness in communication are more likely to use a more compact code of communication which is optimal for dialogue in everyday situations and can be traced in the artistic vision of the world.

Keywords: anthropological linguistics, intercultural communication, communication formats, interpretive vectors, types of implicitness, communication standards

© Fedulenkova T. N. 2024

For citation: Fedulenkova, T. N. (2024). Implitsitnost' v dialoge kul'tur: ot preambuly do funktsional'no obuslovlennykh tipov vyrazheniya smysla. *Retsenziya na monografiyu: Karasik V. I. Yazykovaya plastika obshcheniya*. M. : Gnozis, 2021. 536 s. [Implicitness in the dialogue of cultures: From preamble to functionally conditioned types to express meaning. Book review: Karasik, V. I. (2021). *Linguistic plasticity of communication*. Moscow : Gnozis Press. 536 p.]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (3), 225–230. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-225>

Одним из наиболее активно развивающихся направлений современной антропологической лингвистики является изучение межкультурной коммуникации. Эту активность обуславливают следующие факторы: а) высокая мобильность и проницаемость современного мира для диалога культур; б) осуществление диалога культур на различных уровнях – от личного общения представителей различных этносов в обиходных ситуациях до институционального обмена информацией на международных форумах; в) приобретение нового качества благодаря всемирной сети Интернет; г) активное взаимодействие доминирующих англоязычных способов коммуникации, с одной стороны, и традиционных для каждой культуры типов общения – с другой; д) возникновение своеобразных сплавов приоритетных манер воздействия на адресата, самопрезентации, манипулятивных приёмов и т. д.; е) существенное расширение предмета изучения языкознания антропологической лингвистикой, освоение достижений представителей смежных областей знания – психологии, социологии, этнографии; ж) назревшая необходимость в уточнении и новом осмыслении теоретического аппарата коммуникативных исследований, сориентированных на изучение проблемных ситуаций в междисциплинарном аспекте.

Исследователи стремятся выявить специфику миропонимания, определяющую базовые установки в межкультурной коммуникации. В этой связи, по мнению В. И. Карасика, заслуживает внимания дискуссия о научности этнокультурной психологии при том, что различие в поведении коммуникантов, будучи обусловленным социально-историческими причинами, выявляется только на фоне сходства, и выступает против схематизма, упрощения и необоснованности выводов, подчёркивая, что и абсолютизация отличий, и их нивелирование являются идеологически обусловленными крайностями.

Изучая проблемы межкультурной коммуникации, специалисты подчёркивают, что каждый человек входит в разные сообщества – возрастные, гендерные, профессиональные, этнические и другие – и тем самым одновременно придерживается различных культурных предписаний, и эти предписания подвержены изменениям [Corbett, 2011, p. 306].

В. И. Карасик акцентирует внимание на дискуссионности вопроса о контакте культур, утверждая, что в реальности контактируют не культуры, а индивидуумы, носители этих культур, и они проявляют в любом контакте свои индивидуальные качества, которые обусловлены не только ценностями того или иного сообщества, но и ситуацией общения и взаимоотношениями между коммуникантами. Возможные коммуникативные сбои зависят не только от непонимания участниками общения чужих норм и правил поведения, но и от многих других привходящих причин.

Так, например, англичане, работники одного из аэропортов в Лондоне, считали, что обслуживающие их иммигранты из стран Юго-Восточной Азии ведут себя грубо. Эти иммигранты задавали стандартные общие вопросы с падающим интонационным тоном, и, соответственно, такие вопросы звучали как само собой разумеющиеся утверждения. Тот факт, что в родном языке иммигрантов может быть иная тоновая система, англичане во внимание не принимали. Но главное состоит в другом: вполне возможно, что эти англичане испытывали неприязнь к приезжим, даже ещё не услышав от них ни слова [Bailey, 2004, p. 395]. В этом плане В. И. Карасик предлагает противопоставить два типа установок, которые проявляются в межкультурной коммуникации: позитивные и негативные. В первом случае участники общения исходят из того, что их коммуникативные партнёры относятся к ним доброжелательно и несовпадения в тональности не свидетельствуют о каких-либо предубеждениях, во втором случае участники диалога в любом коммуникативном действии, как вербальном, так и невербальном, находят сигналы неприязни.

Автор монографии считает, что общение представляет собой неоднородное образование, в котором можно выделить несколько аспектов и несколько слоев. Выделение аспектов общения сопряжено с определением функций общения, а именно: оказание воздействия на собеседника, осуществление самопрезентации, сообщение / передача некоторой информации, намеренная или непроизвольная реализация определённых норм и правил коммуникации, т. е. воплощение культурных предписаний. Каждую из этих функций автор монографии представляет в виде партитурной модели: мы передаём информацию, одновременно редактируя и адаптируя её в коммуникативных целях, разыгрывая конкретную роль для (а) непосредственного собеседника, (б) для случайных свидетелей общения, (в) для самих себя. Нормы культуры актуализируются нами посредством правил вербального и паралингвистического общения, осознаваемых ценностей и неосознаваемых обыкновений и принятых в обществе традиций.

В своей монографии В. И. Карасик анализирует разработанную голландским социологом Гертом Хофстеде [Hofstede, 1996, p.189] модель измерения культур в виде схемы, включающей пять основных параметров: 1) дистанция власти (power distance): высокая степень этого качества предполагает жёсткую централизацию и принятие решений только вышестоящими, его противоположность базируется на допущении всех сотрудников к решению вопросов, 2) избегание неопределённости (uncertainty avoidance): высокая степень этого качества выражается в контроле, порядке, наличии письменных правил, значимости экспертов, разногласий быть не должно, в то время как противоположная установка сориентирована на гибкость и креативность, допущение риска, 3) индивидуализм (individualism): высокая степень индивидуализма ведёт к поощрению инициативы, поддержанию автономности и разделению производственных и личных отношений, низкая степень этого качества (коллективизм) выражается как взаимосвязь всех членов сообщества, их взаимные обязательства друг перед другом, организация воспринимается как семья, 4) маскулинность (masculinity): высокая степень этого качества проявляется как чёткое противопоставление гендерных ролей, при этом мужское поведение характеризуется состоятельностью, решительностью и нацеленностью на успех, а женское – скромностью и подчинённостью, противоположный тип предполагает гендерное равноправие, 5) долговременное планирование (long term orientation):

высокая степень этого качества выражается как настойчивость в достижении целей, важность экономности, низкая степень этого качества представляет собой ориентацию не на будущее, а на прошлое и настоящее.

В. И. Карасик сравнивает модель Герта Хофстеде с уточнённой моделью измерения ценностей культуры в межкультурной коммуникации, которая инициируется соотечественником последнего Фоне Тромпенаарсом и включает, в свою очередь, следующие параметры: 1) универсализм либо партикуляризм (поведение определяется стандартами, нормами и правилами либо личными отношениями с другими людьми), 2) индивидуализм либо коллективизм (на первый план выходят индивидуальная идентичность и независимость личности либо групповая идентичность – семейная, корпоративная, религиозная), 3) аффективность либо нейтральность (проблемы решаются эмоционально, эмоции выражаются свободно либо приоритет отдан рациональному подходу к делам и целесообразности), 4) специфичность либо диффузность (производственные и личные отношения не смешиваются, соблюдается приватность в общении либо эти отношения нераздельно слиты), 5) достижения либо происхождение (статус человека определяется его личными способностями и успехами либо его возрастом, полом, унаследованными привилегиями), 6) акцент на прошлом либо на будущем (будущее воспринимается как логически вырастающее из прошлого, с которым оно связано либо оно не связано с прошлым и начинается с нуля), 7) внутренний либо внешний контроль событий (люди контролируют внешние условия жизни либо внешние условия и обстоятельства определяют поведение людей).

В монографии приводятся также результаты исследования в области межкультурной коммуникации Дж. Корбетта, выделяющего ряд характеристик коммуникативного стиля, используемого в соответствующих культурах [Corbett, 2011, p. 313]. В своей работе В. И. Карасик приводит таблицу, которая характеризует узловые моменты возможного непонимания коммуникантами друг друга в условиях межкультурного общения. Представители Западной цивилизации в таком диалоге будут считать, что их партнёры ведут себя неискренне, говорят слишком много и эмоционально, при этом выражают основную информацию с помощью намёков и ставят собеседника в неудобное положение своим самопринижением, которое на Западе воспринимается в основном иронически. В свою очередь, представители Восточной цивилизации будут считать, что их визави не хотят поддерживать беседу, ведут себя бесцеремонно и высокомерно.

Критически оценивая приведённые схемы, В. И. Карасик отмечает, что они ориентированы на Западные ценности, важнейшими из которых являются юридическое равенство людей, их независимость и ответственность за себя и близких (нормы протестантской этики), с одной стороны, и применимы к оценке эффективности работы организаций в большей мере, чем к сравнению культурных приоритетов, с другой стороны. В модели Тромпенаарса нет места дисфункциональным и деструктивным элементам, поэтому в его вопроснике и в книге остаются недостаточно освещёнными противоречивые моменты, которые являются центральными для изучения культурных конфликтов – борьба за власть, отношение к коррупции, эксплуатации, агрессии, тревожности, противопоставление концептов маскулинности и феминности. В результате, пишет В. И. Карасик, мы получаем упрощённый подход к разнообразному межкультурному общению, подход, похожий на фастфуд.

Автор допускает, что в определённой мере различия между культурами могут вписываться в бинарные схемы. Именно бинарностью характеризуется модель известного американского антрополога Эдварда Холла, который противопоставил высококонтекстные и низкоконтекстные культуры. Первые характеризуются тем, что принятое в них общение привязано к ситуации и включает множество намёков и других коммуникативных знаков, косвенно обозначающих предмет речи, вторые – тем, что значительная часть общения выражается прямо в развёрнутых логически связанных высказываниях. Культуры первого типа сориентированы на устную традицию общения, культуры второго типа построены

па балансе между устной и письменной речью. Соответственно, культуры первого типа в максимальной мере соответствуют потребностям обиходного, художественного и религиозного дискурса, а культуры второго типа сориентированы на юридический и научный дискурс. Другая бинарная схема сориентирована на противопоставление левополушарного и правополушарного мышления, т. е. преобладание в общении эмоционально-образного либо рационально-логического способов миропонимания. Осознавая условность подобных упрощённых схем, автор всё же признаёт их несомненную полезность для понимания возможных коммуникативных сбоев между представителями разных сообществ.

Академическая традиция, принятая в Западной цивилизации, ориентирует участников общения на тот тип высказываний, который британский социолог Бэзил Бернстайн назвал в своё время расширенным кодом (*elaborated code*), в быту люди используют принципиально иную систему передачи информации – сокращённый код (*restricted code*). Вывод социолога был предсказуемым и неутешительным для общества: дети из семей среднего класса были подготовлены к учёбе в школе, в то время как дети из бедных семей с самого начала были обречены отставать от своих сверстников, поскольку не владели таким типом общения [Bernstein, 1979, p. 169]. Сокращённый код строится на общении, которое в значительной степени включает не выраженную прямо информацию.

Установки в межкультурном общении обычно являются стереотипами, т. е. простыми оценочно маркированными образцами восприятия других людей. Специфика межкультурного общения проявляется в принятом коммуникативном стиле. Распространённым приёмом определения приоритетов в общении является опрос информантов. Исследования показывают, что в большинстве культур доминируют нормы коллективистского взаимоотношения (за исключением англоязычного мира и стран Северной Европы). Коллективистским культурам свойственны высокая степень контроля в общении, чёткое противопоставление мужских и женских поведенческих паттернов, приоритетность унаследованных статусных признаков по сравнению с приобретёнными. Что же касается проявления вежливости, то проявление солидарности более свойственно коллективистским сообществам, в то время как проявление такта – индивидуалистским.

Для тех культур, которым свойственна высокая степень контроля в общении, характерна разветвлённая система так называемых гонорифических знаков в общении – знаков, показывающих выраженное статусное неравенство между коммуникантами в виде подчёркнутого возвышения адресата и самопринижения говорящего. Реликты подобных знаков прослеживаются в устаревших формулах *«humbly yours»* – букв. *«покорно ваши»* в английском языке или *«Ваш покорный слуга»* в русском. Сравнивая подобные формулы в японском, персидском, арабском языках с нейтральной и глумительно-гонорифической (депрециативно-гоноративная в терминах В. М. Алпатова) лексикой, автор приходит к выводу, что непонимание специфики этих переключателей дистанции в общении может привести к серьёзным коммуникативным сбоям. В русском языке подобные статусные индикаторы неравноправия в общении выражены в меньшей степени (*ты – вы*).

Разумеется, статусный баланс в общении – это очень тонкая величина, он поддерживается большей частью невербально — взглядом, мимикой, жестикующей, а также интонацией. Значимы также такие факторы, как инициатива в смене темы разговора и в использовании шутки. Как правило, инициатором в обоих случаях выступает человек с более высоким статусом [Linde, 1988, p. 147].

Всё это представляет собой развёрнутую преамбулу для характеристики типов имплицитности. Новаторство монографии В. И. Карасика состоит в том, что в дополнение к названным исследовательским моделям языковой коммуникации автор противопоставляет четыре функционально обусловленных типа имплицитного выражения смысла в диалоге культур: консолидирующий, агональный, дидактический и поэтический.

Для консолидирующего типа имплицитности характерно создание общей смысловой базы между участниками общения, включая невыраженные смыслы, которые должны легко определяться участниками соответствующего сообщества. Такая общая база имеет парольный характер и позволяет чётко отграничить своих, по отношению к которым общение является доверительным, от чужих, по отношению к которым общение является враждебным. Парольность отличает как слова или словосочетания, так и коммуникативные формулы, способы поведения, установки и реакции. Что касается агонального типа имплицитности, то он строится на иной основе и предполагает прежде всего игровую и состязательную тональность общения как внутри группы, так и вне её. К этому типу относятся разного рода иронические сигналы, фронтинирование, подразумевающее несогласие с чьей-либо точкой зрения, намеки, ставящие адресата в неудобное положение.

Автор подчёркивает, что консолидирующая и агональная разновидности имплицитности образуют антиномическую диадку. Предназначение дидактического типа имплицитности заключается в фиксации внимания адресата на важном содержании, которое требует особого внимания. Такое миропонимание основано на предположении о том, что есть некие основные правила, которые требуется выполнять. Назидательная имплицитность представлена наиболее ярко в педагогическом и религиозном дискурсе и особенность её дихотомии заключается в том, что невыраженная информация, несомненно, должна быть выявлена, причём, существует только одно её прочтение. Принципиально иным характером отличается поэтическая имплицитность, открывая интерпретатору бесконечный ряд возможных толкований смысла. Не случайно считается, что поэтический текст должен быть наполнен смыслом, выходящим за рамки однозначных толкований. Дидактическая и поэтическая имплицитность противопоставлены друг другу по признаку единственности / множественности интерпретации высказывания, текста либо поступка.

Далее автор описывает взаимоотношения между различными типами имплицитности и их взаимовлияние, их отношение к разным жанрам дискурса, к разным видам общения. Инновационность данной монографии состоит в том, что автор убедительно аргументирует обусловленность имплицитности в межкультурной коммуникации принятыми в каждой культуре нормами общения, которые определяются рядом факторов, и важнейшими из них являются доминирующая социальная дистанция, тип распределения власти в малой группе, степень эмоционального самоконтроля участников общения. Культуры с высокой степенью имплицитности в общении сориентированы на сокращённый код коммуникации, который является оптимальным для диалога в обиходной ситуации и прослеживается в художественном освоении мира.

Библиографический список {References}

- Bailey, B. (2004). 'Misunderstanding'. In A. Duranti (Ed.), *A Companion to Linguistic Anthropology* (pp. 395–413). Oxford : Blackwell.
- Bernstein, B. (1979). Social class, language and socialization. In P. P. Giglioli (Ed.), *Language and social context: Selected readings* (pp. 157–178). Harmondsworth : Penguin.
- Corbett, J. (2011). Discourse and cultural communication. In K. Hyland & B. Paltridge (Eds), *Continuum Companion to Discourse Analysis* (pp. 306–320). New York : Continuum Publishing group.
- Hofstede, G. (1996). Riding the waves of commerce: a test of Trompenaars' "model" of national culture differences. *International Journal of Intercultural Relations*, 20 (2), 189–198.
- Linde, C. (1988). Linguistic Consequences of Complex Social Structures: Rank and Task in Police Helicopter Discourse. *Proc. of the 14th Annual Meeting, Berkeley Linguistic Society* (pp. 142–155). Berkeley.